

Русская литература Сибири: сюжеты, мотивы, судьбы

УДК 821.161
DOI 10.25205/2410-7883-2018-1-24-36

Т. И. Ковалева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

ВИДЕНИЯ И ИХ ФУНКЦИЯ В СИБИРСКОМ СКАЗАНИИ О ЯВЛЕНИИ И ЧУДЕСАХ АБАЛАЦКОЙ ИКОНЫ БОГОРОДИЦЫ В ТОБОЛЬСКЕ

Памятники сибирской агиографии XVII – начала XVIII в. сложились на основе видений. Первое по времени создания агиографическое сочинение – Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске. Оно было очень популярным в народной среде и сыграло значимую роль в формировании культа иконы, ставшей самой почитаемой сибирской святыней. Проведенный в данной статье анализ сибирского Сказания в контексте общерусских сочинений, включающих видения, показал, что видения в местном памятнике, усваивая предшествующую традицию, сохраняют свою основную функцию развертывания события. При этом они в первую очередь раскрывают образ тайнозрительницы вдовы Марии, оказывающейся главной героиней сочинения, удостоенной видений сакральных образов (Богородица, Никола Мирликийский, Мария Египетская) будущей иконы. Это отличает сибирское сочинение от других сказаний о чудотворных иконах, в центре которых находится реально существующая святыня, а герои выполняют служебную роль, сводящуюся к получению в видениях указаний от иконы. Само написание новой иконы Знамения Богородицы, названной Абалацкой, осуществляется после рассказа вдовы Марии о видениях. Эта ситуация также уникальна и не обнаруживается ни в одном из известных нам сказаний. Особенности видений в сибирском сочинении обусловлены, с одной стороны, новыми тенденциями в литературе XVII в., с другой стороны, внелитературными факторами (географической удаленностью «Сибирского царства» от Руси, его автономностью и поздним христианским просвещением). Рассмотренный пример видений позволяет говорить о новом этапе в развитии жанра на излете древнерусской литературы – его трансформации.

Поскольку факт создания иконы неотделим от ее изображения, в статью включены иллюстрации, на основании которых можно составить представление о первообразе Абалацкой иконы, в настоящее время считающегося утраченным.

Ключевые слова: традиции древнерусской литературы, сибирская агиография XVII в., жанр видений, сказания о чудотворных иконах, Абалацкая икона Знамения Пресвятой Богородицы.

Видения – жанр, содержание которого составляют рассказы о встречах героя-тайнозрителя с посланцами иного мира, существовавший весь период древнерус-

Ковалева Татьяна Ивановна – научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, tkvl@inbox.ru)

ISSN 2410-7883 Сюжетология и сюжетография. 2018. № 1. С. 24–36.
© Т. И. Ковалева, 2018

ской литературы. Одна из важных черт видений заключается в том, что они могут быть и отдельными сочинениями, и выявляться в составе сочинений других жанров. Наиболее часто видения встречаются в памятниках агиографии.

В XVII в., уже на излете литературного процесса Древней Руси, возникает русская литература Сибири. По наблюдению Е. К. Ромодановской, все сочинения местной агиографии XVII–XVIII вв. сложились на основе видения (или явления)¹. Отметим, что сибирская агиография тесно связана с деятельностью созданной в 1620–1621 гг. Тобольской архиепископии – первой сибирской епархии. Укреплению положения молодой епархии способствовало, с одной стороны, появление собственных святынь, с другой – создание местных агиографических сочинений [Ромодановская, 2015а, с. 97–98].

Первый по времени создания памятник, положивший начало сибирской агиографии, – Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске (его первоначальная редакция датируется 1641 г.)², за Сказанием об Абалацкой иконе Богородицы написано Сказание о явлении Казанской иконы Богородицы в Тобольске и Житие Василия Мангазейского (60-е гг. XVII в.), затем, на рубеже веков, – Житие Симеона Верхотурского, а в первое десятилетие XVIII в. – Сказание о явлении Николая Мирликийского томскому горожанину Григорию [Ромодановская, 2002, с. 157].

Видения, на наш взгляд, положили начало сибирской агиографии неслучайно. Ранее упомянуто, что они проходят через всю древнерусскую литературу, но в эпоху Смуты становятся одним из наиболее востребованных жанров. В этот период было максимально отработано их использование в прагматических целях: как приема, приводящего к более активному почитанию иконы или святого [Кузнецов, 1997, с. 15]. Сочинения поздней сибирской литературы были подготовлены и складывались под влиянием традиций древнерусской словесности³, но при этом на местной почве приобретали свои особенности, что свойственно любой региональной литературе.

В настоящее время не существует аналитического описания видений в составе сибирских памятников. На наш взгляд, оно необходимо, поскольку в дальнейшем позволит предложить концепцию сюжетосложения и жанрообразования сибирской агиографии. Кроме того, отметим, что в основе наших исследований лежит идея анализа видений как малой жанровой формы в составе «большой формы», принадлежащая Е. К. Ромодановской [2002, с. 296]. Такой подход предполагает анализ жанрового контекста «малой формы», структурно-содержательных особенностей и функции видений в повествовании. В данной работе представлен

¹ По мнению Е. К. Ромодановской, термины «видение» и «явление» фактически синонимичны, их выбор определяется различием в позиции героев, исходя из нее, «рядовой человек в и д и т представителей христианского пантеона, которые я в л я ю т с я (разрядка автора. – Т. К.) обыкновенным людям» [Ромодановская, 2002, с. 298]. Поскольку уточнение терминов не входит в наши задачи, в данной статье используется более широкое понятие – «видения».

² Об этапах создания сочинения см.: [Ромодановская, 2015а, с. 105–106, 108].

³ В данном случае эта черта во многом определяется историей населения края: литература в Сибири появляется вместе с первыми переселенцами, которые в большинстве были выходцами из северной части России. Этот факт объясняет значительное влияние севернорусской литературной традиции на сибирскую литературу XVII века [Ромодановская, 2002, с. 13–14]. Помимо этого, важной особенностью сибирской литературы на этапе ее становления «является типологическая близость памятников к произведениям не современной им, а гораздо более ранней литературы» [Там же, с. 16].

опыт анализа видений в Сказании об Абалацкой иконе⁴, наше внимание главным сосредоточено на их функции. Названное Сказание привлечено для исследования не только потому, что это первый памятник сибирской агиографии, повлиявший на последующую региональную традицию, важно и то, что оно было популярным в народной среде и сыграло значимую роль в формировании культа иконы, ставшей самой почитаемой сибирской святыней.

Обратимся к сочинению, чтобы представить место видений в его структуре. Во вступительной части Сказания дается общая картина христианского просвещения Сибири, прославляются Христос и Богородица, по воле которых это произошло. Завершает эту часть «Благодарение Богови». Основу сочинения составляет рассказ вдовы Марии в тобольской церкви св. Софии о четырех видениях. В первом ей являются три иконы: Богородицы, Марии Египетской и Николая Чудотворца. От образа Богородицы исходит повеление о строительстве церкви в ее честь в селении Абалак, на местном погосте, но Мария, не поверив откровению, скрыла его. Во втором и третьем видениях слова Богородицы ей повторяет уже св. Николай, явившийся в «человеческом образе». В третьем видении Марию за непослушание настигает наказание, эта сцена описана так, будто кто-то невидимый заламывает героине руки. Освобождает ее от мучений лишь молитва Богоматери, которая просит отпустить Марию. И, оказывается, только после угрозы св. Николая болезнью в четвертом видении испуганная женщина решается рассказать о явленном. Указывая в церкви на копию образа Новгородской иконы Знамения, крестьянка сообщает, что Богоматерь явилась ей, как на иконе. Окончание рассказу вдовы Марии подводит еще одно краткое «Благодарение», где вновь прославляются Всевышний, Богородица, Николай Чудотворец и Мария Египетская. Затем в Сказании следуют более ста чудес, происшедших от Абалацкой иконы, и дидактическая концовка. Примечательно, что героиней первого рассказа о чуде оказывается вновь вдова Мария, и здесь завершается ее история. Мария хочет надеть серьги, но они выпадают из ее рук и рассыпаются в пыль. Крестьянка сначала испугалась и опечалилась, но вспомнила, как была наказана за неверие, и ее печаль сменилась радостью. Во втором рассказе о чуде повествуется о строительстве в Абалаке Знаменской церкви и написании наместного образа Богородицы. Образ заказывает страдающий тяжелым недугом крестьянин Евфимий Кока. В процессе создания образа иконописцем Матвеем Мартыновым он исцеляется и приносит для освещения икону в церковь св. Софии (с. 88–95).

Отметим значимый для нашего исследования факт, о котором не сообщается в Сказании. Иконописец Матвей Мартынов (реальное историческое лицо) до создания Абалацкой иконы Знамения Богородицы написал для Тобольского Софийского собора образ иконы Знамения⁵, вероятно, тот самый, на который указала вдова Мария. Образцом для написания обеих икон является образ Знамения XII в., находящийся в Новгородском Софийском соборе (рис. 1)⁶.

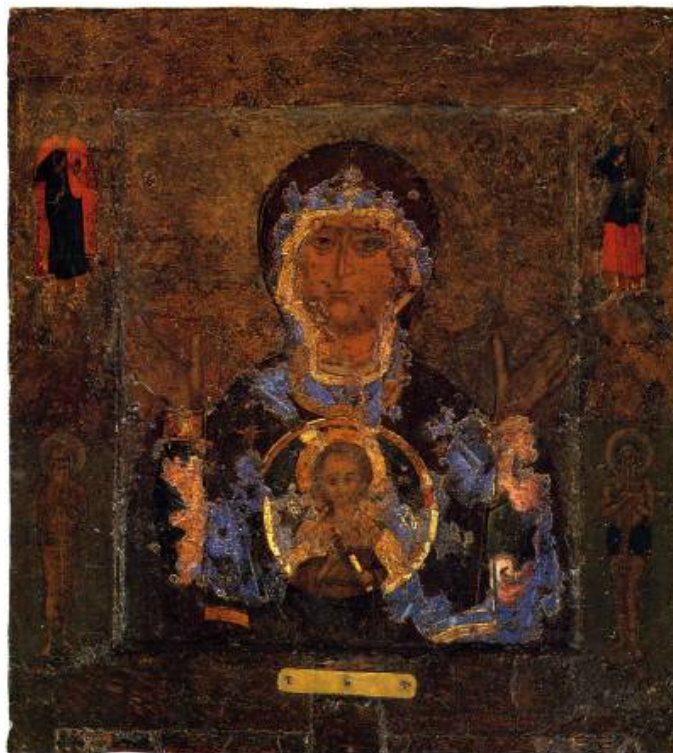
Итак, в основе Сказания – группа из четырех видений, связанных по смыслу идеей строительства церкви. Создание церкви / монастыря – это одна из сквозных

⁴ В работе используется текст Сказания, опубликованный в издании [Литературные памятники..., 2001, с. 5–184]. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

⁵ См. об этом: [Покровский, Ромодановская, 1994, с. 17–18].

⁶ Искусствовед Т. В. Прохорова, исследовавшая развитие в Сибири новгородского культа иконы Знамения, пишет о формировании местной иконографии под влиянием традиций Новгорода и его северных провинций. Это связано с назначением на сибирскую кафедру в XVII в. (с 1620 по 1678 г.) архиепископов из Новгорода или его епархии. [Прохорова, 2012, с. 13]. Первым архиепископом был Киприан, в его свите прибыл в Сибирь Матвей Мартынов [СлРИ, 2009, с. 407].

тем древнерусских видений⁷. Видения данной тематики входили в состав агиографических повествований разных типов – патериков, житий, некоторых повестей, сказаний об иконах.

Новгородская икона Божией Матери Знамение.
XII в., Софийский собор, Великий Новгород
(из кн.: [Лазарев, 2000, с. 38])

Рассматривая Сказание об Абалацкой иконе, мы обратимся к видениям из Киево-Печерского патерика (XIII в.)⁸, в котором представлены первые древнерусские видения, связанные с созданием церкви, а также к видениям из севернорусских житий святых – основателей монастырей XV–XVI вв. Кирилла Белозерского⁹ и Александра Свирского¹⁰: в них фиксируется апогей развития видений на названную тему¹¹. При анализе мы можем учитывать названные произведения, так

⁷ Подробный анализ названной тематической разновидности видений см.: [Ковалева, 2017].

⁸ В работе используется текст Киево-Печерского патерика, опубликованный в издании: [Древнерусские патерики, 1999, с. 7–80]. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

⁹ В работе используется текст Жития, опубликованный в издании: [Преподобные..., 1994, с. 50–167]. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

¹⁰ В работе используется текст Жития, опубликованный в издании: [Житие Александра Свирского, 2002, с. 23–105]. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

¹¹ Об этапах развития видений, связанных с основанием церкви, см.: [Ковалева, 2017, с. 8, 10–16].

как автор сибирского Сказания¹², хорошо знал традиции древнерусской литературы и владел приемами построения агиографических сочинений¹³.

Перейдем к анализу. В сюжете Сказания события начинаются с кульминационного момента – внезапного появления в церкви вдовы Марии, рассказывающей о видениях, на самом деле предшествовавших появлению героини. Рассматривая функцию видений, мы объясним и роль героини, и смысл такого следования событий в Сказании.

В общем виде в любых повествованиях функция видений заключается в развертывании событий. Видения всегда связаны с образом тайнозрителя, являющегося медиатором высшей воли. Развитие этого образа от XIII до XVII в. движется от «чистой» функции, каковы тайнозрители патерика, к персонажу (к нему приближена героиня Сказания). Соответственно с усложнением образа тайнозрителя происходит и усложнение функции видений [Ковалева, 2017, с. 8, 10–15].

В Киево-Печерском патерике на месте создания Печерской церкви неожиданно появляются никем не званные герои (строители, иконописцы, епископы), имеющие в силу рода деятельности отношение ко всем этапам ее создания, – от основания до освящения¹⁴. Далее в патериковых сюжетах появление этих героев объясняется рассказами о видениях. Оказывается, что на самом деле герои являются по воле высших сил, которая выражается через посланцев сакрального мира – свв. Антония и Феодосия Печерских, Богородицы, ангела и проч. Так схематично можно описать процесс развития событий в рассказах патерика¹⁵.

В житийных повествованиях, как и в патериковом, видения приводят святых на место основания монастыря, но при этом воля высших сил осуществляется через решение вопросов, волнующих святого, ответы на которые он получает в видении¹⁶. В Житии Кирилла Белозерского разрешаются сомнения святого, связанные с намерением уйти из монастыря в пустынь (с. 72–74), а Александр Свирский получает подтверждение готовности к следующей ступени подвига (с. 46). Вся жизнь житийных героев проникнута благоговейным страхом перед высшими силами. Несмотря на это, они могут не сразу исполнять данное им повеление, боясь впасть в гордыню, опасаясь бесовского искушения (например, Александр Свирский, несмотря на множество знамений свыше, не приступал к основанию монастыря до тех пор, пока к нему не явился сам Господь в образе Троицы).

¹² Е. К. Ромодановская предполагает, что им мог быть дьяк тобольского архиерейского дома Савва Есипов [Ромодановская, 2015а, с. 108], приехавший в Сибирь, возможно, с архиепископом Макарием в 1625 г. [СК, 1992, с. 314].

¹³ На наш взгляд, Сказание об Абалацкой иконе ярко демонстрирует две отмеченные выше тенденции, проявившиеся в сибирских памятниках, – влияние севернорусских традиций и типологическое сходство с ранними сочинениями древнерусской литературы, о чем будет сказано далее.

¹⁴ Каждый этап возведения Печерской церкви освещается в отдельных рассказах Киево-Печерского патерика, составляющих «Слово о создании церкви» – часть памятника, в которой развертывается названное событие (с. 7–18).

¹⁵ Обратим внимание на сходство в построении рассмотренного нами эпизода Сказания об иконе и патериковых рассказов. На первое место в них выносятся элемент, который свершился «яве», затем он дополняется сведениями о свершившемся «втайне». Е. К. Ромодановская отмечает такое построение как типичное для жанра чудес [Ромодановская, 2015б, с. 488]. Отмеченное сходство показывает умелое применение на практике приема, отработанного в древнерусской литературе, автором Сказания об Абалацкой иконе.

¹⁶ Как отмечалось выше, видения взаимосвязаны с образом тайнозрителя. В Житиях функция видений усложняется, так как в изображении их заглавных героев, по Д. С. Лихачеву, прослеживаются черты абстрактного психологизма (вводимые автором в повествование «отдельные психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира») [Лихачев, 1958, с. 81].

В Сказании видения, сохраняя основную функцию, являются прежде всего важнейшим элементом, способствующим раскрытию образа главной героини¹⁷. Попытаемся показать, как это происходит в повествовании. Сосредоточим внимание на событийном плане сочинения.

При описании общения героини с посланцами сакрального мира, в эпизоде третьего видения, когда тайнозрительницу постигает наказание (напомним, что ей заламывают руки), акцентируется ее ключевая характеристика – «неверие»¹⁸, о которой говорит св. Николай Чудотворец: «Не веши ли убо, яко озлобление ти есть за неверие твое?» (с. 91). И сама Мария, не в силах терпеть боль, обращается в молитве к Богородице с просьбой о прощении за «многая безверия» (с. 91). Характеристика, произнесенная св. Николаем, в контексте Сказания объясняет и промедление Марии с исполнением данного ей указания, и ее чувство страха во время видений (абсолютно физиологического, в отличие от страха святых). Что касается более ранних рассмотренных нами сочинений, в них вера тайнозрителей несомненна.

Отметим, что главным образом св. Николай контактирует с тайнозрительницей, начиная со второго видения не Богородица, а он велит рассказать об откровениях. Как нам думается, выбор в качестве посредника между мирами и «переводчика» святителя Николы Мирликийского определен особой ролью этого святого в концепции народной святости. Он является героем народных религиозных легенд, активно участвующим в повседневной жизни православного человека, и имеет репутацию «скорого помощника». Кроме того, культ св. Николая был особенно силен в среде народов, вновь обращаемых в христианство, например в Сибири [Народные сказки..., 1963, с. 211 (комм.)].

Несмотря на пережитые в видениях страх и физические страдания и вопреки возможному ожиданию читателя, перехода от нетвердой веры к абсолютной у вдовы Марии не происходит («скачок» в поведении героя характерен для более ранних агиографических сочинений древнерусской литературы [Лихачев, 1958, с. 81]). Тем не менее, как и предшествующие тайнозрители, вдова Мария становится избранницей, через которую должен осуществиться замысел высших сил. Далее попытаемся объяснить возможную причину ее избранности.

Благодаря видениям, помимо названной св. Николаем черты образа героини, раскрывается и ее художественный потенциал, который все-таки делает возможным дальнейшее обращение крестьянки от «земного» к «духовному». Важнейшую роль в этом, на наш взгляд, играет использование автором значащего имени – Мария, имеющего в тексте структурообразующую функцию¹⁹.

¹⁷ В литературном процессе XVII в. происходит открытие ценности человеческой личности, что выражается, в частности, во внимании авторов этого времени к простому человеку, который отныне может стать главным героем сочинения, и его физическим и эмоциональным состояниям [Лихачев, 1958, с. 151–161]. Эти тенденции отразились и в Сказании об Абалацкой иконе. В данном случае они, на наш взгляд, усиливаются тем, что в сочинении получают обработку документально зафиксированные записи рассказов о видениях крестьянской вдовы Марии Симановой, ставшей прототипом героини Сказания [Литературные памятники..., 2001, с. 342–344; Ромодановская, 2002, с. 160–167].

¹⁸ Речь здесь идет, скорее всего, о бытовой нетвердости тайнозрительницы в вере. Сведение веры к формальному благочестию – черта, характерная для массового религиозного сознания позднего средневековья (см., например: [Шашков, 1997, с. 30–31]), которую отечественная словесность XVII в. неоднократно запечатлела. Кроме того, в Сказании, возможно, нашел отражение и аспект, о котором в тексте не сообщается напрямую: простая женщина могла не допускать, что удостоена откровений свыше.

¹⁹ По мысли Н. Ф. Дробленковой, значение имени персонажа в древнерусских сочинениях служит не столько для раскрытия его индивидуальных черт (как позднее – в литера-

Во вступительной части Сказания и в двух «Благодарениях» (до и после видений Марии) наряду с Господом прославляется Богородица, непорочная дева Мария. По-видимому, она неслучайно упоминается во вступительной части сочинения в контексте идеи христианского просвещения Сибири, поскольку считается покровительницей проповедников Слова Божия. Затем в видениях крестьянке явлены иконы двух Марий – Богородицы и Марии Египетской, вероятно, тезоименитой святой тайнозрительницы, основная роль которой в христианской традиции – наставничество женщин в покаянии.

Возвращаясь к вопросу о художественном потенциале героини Сказания, вспомним, что в житиях одним из способов характеристики святого является его сравнение с другим святым [Фрайданк, 1987, с. 224]. Простая крестьянка не может напрямую сравниваться с Богородицей или Марией Египетской, но когда в момент видения она оказывается в непосредственном общении с иконами, то через имя Мария между всеми женскими образами возникает символическая связь, и качества святых жен проецируются на скромную тайнозрительницу. Когда читатель доходит до второго «Благодарения» в Сказании, то в его сознании символический план полностью выстраивается и замыкается, поскольку «Благодарения» в тексте создают рамочную композицию. Символический план сочинения позволяет воспринимать героиню Сказания не как слабую и запуганную женщину, а как проповедницу Слова Божия, получившую эту миссию при крещении вместе со своим именем. Хотя в православной традиции Богородица не считается покровительницей земных женщин с ее именем, но с приземленно-жизненной точки зрения ее социальный статус отчасти подобен статусу героини Сказания: на протяжении большей части Евангелия она тоже может быть названа «*вдова Мария*». Своей же тезоименитой святой Мария может уподобиться лишь искренним раскаянием в грехах, однако этот возможный мотив в Сказании не акцентируется. Но из текста становится известно, что под влиянием чуда, имеющего «бытовой» характер, происходит изменение настроения героини от печали к радости. Необъяснимая с житейской точки зрения утрата Марией серебряных серег, рассыпавшихся в пыль, наводит читателя на мысль о бренности земных ценностей и нетленности ценностей небесных. Пример героини Сказания (как и житийных святых, и патериковых героев) читатель – современник описанных событий может проецировать на себя. Такие примеры должны были оказывать дидактическое воздействие, подобно примерам евангельских притч. Их совокупный смысл выражает мораль известной притчи о милосердном Самарянине: «Иди, и ты поступай так же» (Лк 10: 25–37). Но вопрос о притчевом начале в Сказании – это тема для отдельных размышлений.

Итак, видения в Сказании, как в случае с героями патерика, объясняют причину неожиданного появления Марии во время службы в церкви, в то же время, как в случаях с житийными святыми, дают подтверждение избранности героини, ее сюжетная линия, как и линия святых, является главной в сочинении²⁰. Но если для святого основание церкви / монастыря – кульминация духовного пути, то

туре XVIII–XX вв.), сколько для характеристики поступков, действий, благодаря чему значащие имена могли выполнять «структурообразующую» функцию и способствовать развитию и «осложнению» сюжетной линии [1987, с. 76]. Использование в сибирском сочинении значащего имени героини служит еще одним подтверждением того, что автором используются приемы, хорошо отработанные литературой.

²⁰ Мысль о влиянии житийных рассказов о чудесах святого на жанр сказаний об иконах неоднократно высказывалась исследователями. См. об этом, например: [Лепяхин, 2008, с. 8; Конявская, 2014, с. 54].

в Сказании строительство церкви (главное повеление всех видений) и написание образа Богородицы отходят на второй план. А в центре внимания оказывается образ вдовы Марии. Обычно в центре сказаний о чудотворных иконах находится сама икона, а герои, получающие от нее какое-либо указание, выполняют в повествовании лишь служебную роль. Святыни являются тайнозрителям в материальной форме и могут пребывать в воздухе, например, как Тихвинская икона Богородицы [Сказание о явлении иконы..., 2004], в воде, как Иверская [Шмидт, 1967, с. 358–360], обнаруживаться в земле, как Казанская [Повесть о явлении и чудесах..., 2006], или на дереве, как Колочская [Повесть о Луке Колоцком, 2000], и т. д.

В сибирском Сказании, на наш взгляд, происходит расширение функции героини. Описывая ее взаимодействие с героями иного мира, автору удается раскрыть и их роль, которой они наделены в христианской традиции. Сакральные образы, явленные Марии, легли в основу иконописного первообраза Абалацкой иконы, ставшей «палладиумом» Сибирской земли. Так, видения в Сказании используются как прагматический прием, обосновывающий создание святыни, а далее сочинение, пополняясь чудесами (рассказы о которых к тому же бытовали в устной среде), способствует укреплению ее культа.

Действительно, с первообраза Абалацкой иконы, созданной, по версии Сказания, после рассказа о видениях вдовы Марии, было сделано большое число списков²¹. И первообраз, и почти все авторитетные списки с него утрачены. Литографированное изображение оригинала иконы сохранилось лишь в книге А. И. Сулоцкого [1877] (рис. 2)²². Самым же древним и точным списком, скопированным с оригинала, в настоящее время считается список, хранящийся в запасниках Государственной Третьяковской галереи (рис. 3)²³.

Нетипичность знаменья и в целом сюжета, описанного в Сказании²⁴, объясняется, на наш взгляд, не только новыми тенденциями в литературе XVII в., но и внелитературными факторами: географической удаленностью «Сибирского царства» от Руси, его автономностью и историей позднего христианского просвещения²⁵. Напомним, что оно началось с приходом Ермака в первой половине 80-х гг. XVI в.

²¹ Они приводятся в работах А. И. Сулоцкого [1864, с. 69–87; 1877, с. 37–55].

²² Фигуры Николая Чудотворца и Марии Египетской на полях иконы свидетельствуют о том, что перед нами образ Знаменья Богородицы Абалацкого извода. На полях Новгородской иконы Знаменья написаны образы св. вмч. Георгия Победоносца, св. мч. Иакова Перского, отшельников Петра Афонского и Онуфрия (или Макария) Египетского.

²³ Об этой иконе сообщает в интервью хранитель Третьяковской галереи В. Н. Широков в документальном популяризаторском фильме «Искатели. Тайна Абалацкой иконы» (режиссер: С. Егоров, страна: Россия, 2013 г.). В картуше на нижнем поле иконы читается, не полностью, имя изографа «Сын... Сидоров», датировка – 1703 г., имя заказчика – Степан Иванович Салтыков, который был тобольским воеводой в 1690–1696 гг. По мнению В. Н. Широкова, С. И. Салтыков заказал икону, скорее всего, в память о своем воеводстве.

²⁴ Е. К. Ромодановская пишет: «Такой ситуации, когда икона создается после обнаружения чуда о ее явлении, мы не можем отметить ни в одном из известных нам сказаний о чудотворных иконах» [2002, с. 175]. Свообразие Сказания отмечает также В. В. Лепяхин: «Оно является во многих отношениях уникальным не только по количеству записанных чудес, но и по композиции, по своему богословскому содержанию, по документированности чудес от иконы» [2012, с. 134].

²⁵ См. об этом: [Ромодановская, 2002, с. 23].

Абалацкая икона Божией Матери Знамение.
Тобольск, 1637 г., изограф Матвей Мартынов
(из кн.: [Сулоцкий, 1877])

Абалацкая икона Божией Матери Знамение, 1703 г. Изограф «Сын... Сидоров». Государственная Третьяковская галерея (кадр из фильма «Искатели. Тайна Абалацкой иконы». Режиссер: С. Егоров, страна: Россия, 2013 г.)

В заключение следует сказать, что анализ примера видений в сибирском Сказании позволяет говорить о новом этапе в развитии жанра на излете древнерусской литературы – его трансформации, которая может идти в разных направлениях (некоторые иллюстрирует и сибирский материал), но чтобы их представить, необходимы дополнительные исследования, требующие выявления как сибирских материалов, так и материалов других областных литератур XVII–XVIII вв. в рукописных собраниях Российских библиотек.

Список литературы

- Древнерусские патерики / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. 496 с.
- Дробленкова Н. Ф.* К поэтике имен в древнерусской литературе // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 73–81.
- Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель / Сост. И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев. СПб., 2002. 216 с.
- Ковалева Т. И.* Видения в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII–XVII вв.: жанровая эволюция и сюжетосложение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 21 с.
- Конявская Е. Л.* Древнерусские сказания о чудотворных иконах: особенности нарратива // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск, 2014. С. 54–58.
- Кузнецов Б. В.* События Смутного времени в массовых представлениях современников (Видения и знамения, их значение в этот период): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 16 с.
- Лазарев В. Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000. 395 с.
- Лепяхин В. В.* «Золотой век» сказаний о чудотворных иконах. М.: Паломник, 2008. 318 с.
- Лепяхин В. В.* Сказания о чудотворных иконах в древнерусской словесности. М., 2012. 288 с.
- Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / Изд. подгот. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. 439 с.
- Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. 186 с.
- Народные сказки о Боге, святых и полах / Сост. М. К. Азадовский. М., 1963. 232 с.
- Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.* Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV). 291 с.
- Повесть о Луке Колочском // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, А. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 100–105.
- Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, А. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 24–53.
- Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подгот. Г. М. Прохоров, Е. Г. Водолазкин, Е. Э. Шевченко. СПб., 1994. 330 с.
- Прохорова Т. В.* Сибирская икона XVI–XIX вв.: становление и развитие иконографической традиции. Автореф. дис. ... канд. искусств. Новосибирск, 2012. 22 с.
- Ромодановская Е. К.* Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. 391 с.

Ромодановская Е. К. Сибирские повести об иконах (XVII – начало XVIII в.) // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015а. Т. 1: Е. К. Ромодановская. Избранное. Отклики. С. 96–114.

Ромодановская Е. К. Сказание о явлении Казанской иконы Богородицы в Тобольске // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015б. Т. 1: Е. К. Ромодановская. Избранное. Отклики. С. 485–497.

Сказание о явлении иконы Богоматери Одигитрии Тихвинской // Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской / Предисл., пер., коммент. Е. В. Крушельницкой. СПб.: ИД «Русская Симфония», 2004. С. 41–58.

СК – Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. 410 с.

СлРИ – Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2009. 1104 с.

Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии. СПб., 1864. 221 с.

Сулоцкий А. И. Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою, и о важнейших копиях с нее, с изображением иконы Абалацкой Божией Матери. Омск, 1877. 75 с.

Фрайданк Д. Литературный прием синкрисиса в трех древних славянских текстах // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 224–233.

Шапков А. Т. Брань, борода и немецкое платье (по материалам урало-сибирских «видений» XVII–XVIII вв.) // Ежегодник НИИ РК УрГУ. 1995–1996. Екатеринбург, 1997. С. 28–38.

Шмидт С. О. Сказания об Аффонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М.: Наука, 1967. С. 355–363.

T. I. Kovaleva

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**VISIONS AND THEIR FUNCTION
IN THE SIBERIAN LEGEND ON THE APPARITION AND MIRACLES
OF OUR LADY'S ICON OF ABALAK IN TOBOLSK**

The monuments of Siberian hagiography of the 17th – early 18th centuries arose on the basis of visions. The first hagiographic composition is the Legend on the apparition and miracles of Our Lady's Icon of Abalak in Tobolsk. It was very popular in the people's environment and played a significant role in the cult of the icon that became the most revered Siberian shrine. The analysis of the Siberian Legend in the context of the Old Russian compositions, including visions, revealed assimilation of the previous tradition and conservation of the main function of unfolding an event in the local visions. At the same time, they primarily disclose an image of the visionary widow Mary becoming the protagonist of the composition. She was awarded the visions of the future icon's sacred images (the Virgin, Nicolas of Myra, Mary of Egypt). It differs the Siberian composition from other legends on miraculous icons, dedicated to the existing shrines, where heroes have only service role of receiving instructions from the icon. The writing of the new Icon of Our Lady of the Sign, named Abalatskaya, takes place after the story of the widow Mary about visions, which is also unique and not found in any of the legends known to us. Features of the visions in the Siberian composition are explained by new tendencies in the literature of the 17th century, on the one hand, and by extraliterary factors (geographical distance of the «Siberian kingdom» from Russia, its autonomy and late Christian Enlightenment) on the other. The considered example of the visions makes it possible to talk about a new stage in the development of the genre at the end of the Old Russian literature – its transformation.

Since the fact of the writing an icon is inseparable from its image, the article includes illustrations which help form an idea on the prime image of the Theotokos of Abalak that is lost now.

Keywords: traditions of the Old Russian literature, Siberian hagiography of the 17th century, genre of visions, legends on miracle-working icons, icon of Our Lady of the Sign, Abalak.

References

- Drevnerusskie pateriki [Old Russian Patericons]. Ed. prep. by L. A. Olshevskaya, S. N. Travnikov. Moscow, 1999, 496 p. (in Russ.)
- Drobenkova N. F. K poetike imen v drevnerusskoy literature [On the poetics of names in Old Russian literature]. *Issledovaniya po drevney i novoy literature* [Studies on early and new literature]. Leningrad, 1987, p. 73–81. (in Russ.)
- Fraidank D. Literaturny priem sinkrisisa v trekh drevnikh slavianskikh tekstakh [Literary method of syncysis in three old Slavic texts]. *Issledovaniya po drevney i novoy literature* [Studies on early and new literature]. Leningrad, 1987, p. 224–233. (in Russ.)
- Konyavskaya E. L. Drevnerusskie skazaniya o chudotvornykh ikonakh: osobennosti narrativa [Old Russian legends on miracle-working icons: the narrative features]. *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: ot srednevekoviya k novomu vremeni* [The Narrative traditions of Slavic literatures: from the Middle Ages to the New Age]. Novosibirsk, 2014, p. 54–58. (in Russ.)
- Kovaleva T. I. Videniya v agiograficheskikh pamyatnikakh drevnerusskoy literatury XIII–XVII vv.: Zhanrovaya evolutsiya i syuzhetoslozhenie [Visions in Old Russian hagiographic monuments of the 13–17th centuries: Genre evolution and plot structure]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2017, 21 p. (in Russ.)
- Kuznetsov B. V. Sobytiya Smutnogo vremeni v massovykh predstavleniyakh sovremennikov (Videniya i znameniya, ikh znachenie v etot period) [Events of the Time of Troubles in the mass representations of contemporaries (Visions and signs, their significance in this period)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow, 1997, 16 p. (in Russ.)
- Lazarev V. N. Russkaya ikonopis ot istokov do nachala XVI veka [Russian icon painting from the origins to the beginning of the 16th century]. Moscow, 2000, 395 p. (in Russ.)
- Lepakhin V. V. «Zolotoy vek» skazaniy o chudotvornykh ikonakh [«The Golden Age» of legends on miracle-working icons]. Moscow, 2008, 318 p. (in Russ.)
- Lepakhin V. V. Skazaniya o chudotvornykh ikonakh v drevnerusskoy slovesnosti [Legends on miracle-working icons in Old Russian literature]. Moscow, 2012, 288 p. (in Russ.)
- Likhachev D. S. Chelovek v literature Drevney Rusi [The Man in Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, 1958, 186 p. (in Russ.)
- Literaturnye pamyatniki Tobolskogo arkhieiereiskogo doma XVII v. [Literary monuments of the Tobolsk archpriests' house of the 17th century]. Ed. preparation E. K. Romodanovskaya, O. D. Zhuravel. Novosibirsk, 2001, 439 p. (in Russ.)
- Narodnye skazki o Boge, sviatykh i popakh [Folk tales on God, saints and priests]. Comp. M. K. Azadovsky. Moscow, 1963, 232 p. (in Russ.)
- Pokrovsky N. N., Romodanovskaya E. K. Tobolskiy arkhieiereiskiy dom v XVII veke [Inventories and documents of Tobolsk archpriests in the 17th century]. Novosibirsk, 1994, 291 p. (in Russ.)
- Povest o Luke Kolochskom [The Story about Luca of Kolocha]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The library of Old Russian literature]. Ed. by D. S. Likhachev, A. A. Dmitriev, A. A. Alekseev, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, 2000, vol. 9: The end of the 14th century – the first half of the 16th century, p. 100–105. (in Russ.)
- Povest o yavlenii i chudesakh Kazanskoy ikony Bogoroditsy [The Story on the apparition and miracles of Our Lady's Icon of Kazan]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The library of Old Russian literature]. Ed. by D. S. Likhachev, A. A. Dmitriev, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, 2006, vol. 14: The end of the 16th century – the beginning of the 17th century, p. 24–53. (in Russ.)
- Prepodobnye Kirill, Ferapont i Martinian Belozerskie [The reverend Cyril, Therapont and Martinian Belozersky]. Ed. preparation G. M. Prokhorov, E. G. Vodolazkin, E. E. Shevchenko. St. Petersburg, 1994, 330 p. (in Russ.)
- Prokhorova T. V. Sibirskaya ikona XVI–XIX vv.: stanovlenie i razvitie ikonograficheskoy traditsii [Siberian icon of the 16–19th centuries: Formation and development of the iconographic tradition]. Abstract of Art Cand. Diss. Novosibirsk, 2012, 22 p. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. Sibir i literatura: XVII vek [Siberia and Literature: The 17th century]. Novosibirsk, 2002, 391 p. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. Sibirskie povesti ob ikonakh (XVII – nachalo XVIII v.) [Siberian stories on icons (the 17th – the beginning of the 18th century)]. *Krugi vremen: V pamiat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy* [Circles of times: In the memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya]. Moscow, 2015, vol. 1: E. K. Romodanovskaya. Selected works. Responses, p. 96–114. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. Skazanie o yavlenii Kazanskoj ikony Bogoroditsy v Tobolske [The Legend on the apparition of Our Lady's Icon of Kazan in Tobolsk]. *Krugi vremen: V pamiat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy* [Circles of times: In the memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya]. Moscow, 2015, vol. 1: E. K. Romodanovskaya. Selected works. Responses, p. 485–497. (in Russ.)

Shashkov A. T. Bran, boroda i nemetskoe platie (po materialam uralo-sibirskikh «videniy» XVII–XVIII vv.) [Swearing, beard and German dress (based on materials of Ural-Siberian «visions» of the 17–18th centuries)]. *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoy kultury Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. 1995–1996* [The yearbook of the Scientific Research Institute of Russian culture of the Ural State University. 1995–1996]. Ekaterinburg, 1997, p. 28–38. (in Russ.)

Shmidt S. O. Skazaniya ob Afonskikh monastiriakh v novgorodskoy rukopisi XVI veka [Legends of the Athonite monasteries in the Novgorod manuscript of the 16th century]. *Drevnerusskaya literatura i ee svyazi s Novym vremenem* [Old Russian literature and its connections with the New time]. Moscow, 1967, p. 355–363. (in Russ.)

Skazanie o yavlenii ikony Bogomateri Odigitrii Tikhvinskoy [The Legend on the apparition of Our Lady's Icon of Tikhvin]. *Kniga ob ikone Bogomateri Odigitrii Tihvinskoy* [The book on Our Lady's Icon of Tikhvin]. Pref., trans., comm. E. V. Krushelnitskaya. St. Petersburg, 2004, p. 41–58. (in Russ.)

Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [The dictionary of scribes and booklore of Old Russia]. St. Petersburg, 1992, iss. 3, pt. 1, 410 p. (in Russ.)

Slovar russkikh ikonopistsev XI–XVII vekov [The dictionary of Russian icon painters of the 11–17th centuries]. Moscow, 2009, 1104 p. (in Russ.)

Sulotsky A. I. Opisanie naibolee chtimyykh ikon, nakhodyashchikhsya v Tobolskoy eparkhii [Description of the most revered icons, located in the Tobolsk eparchy]. St. Petersburg, 1864, 221 p. (in Russ.)

Sulotsky A. I. Skazanie ob ikone Bozhiey Materi, imenuemoy Abalatskoyu, i o vazhneishikh kopiakh s nee, s izobrazheniem ikony Abalackoy Bozhiey Materi [The Legend on Our Lady's Icon of Abalak and the most important copies from it, with the image of the Abalak's icon]. Omsk, 1877, 75 p. (in Russ.)

Zhitie Aleksandra Svirskogo: Tekst i slovoukazatel [The Life of Alexander Svirsky: Text and word index]. Comp. I. V. Azarova, E. L. Alekseeva, L. A. Zaharova, K. N. Lemeshev. St. Petersburg, 2002, 216 p. (in Russ.)

Tatyana I. Kovaleva – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, tkvl@inbox.ru)